

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
НА РИМАНЕ

Я Анна Тюленева, космохимик, живу и работаю на планете Риман, в не очень-то дружелюбном мире. Здесь слишком жарко, магнитное поле нестабильно и мало воды, зато много серной кислоты. Мы терраформируем Риман уже давно и кое-каких успехов достигли, хотя до появления здесь первых поселенцев еще далеко, а передвигаться без защитного костюма можно только в пределах бригад – так называют на Римане небольшие научные поселения, накрытые «временными куполами». Смешно звучит – «временными». Купола стоят здесь с тех пор, как инженерам удалось стабилизировать магнитное поле планеты, с тех пор, как с помощью астероидных бомбардировок удалось повысить количество воды, а заодно и снизить температуру. Теперь на Римане не 175 градусов, а всего-то 40–50, что вполне приемлемо.

Риман необитаем. В свое время по этому поводу разгорелись весьма жаркие споры. Одни утверждали, что жизнь в таких условиях просто не может возникнуть. Другие тут же обвинили их в углеродном шовинизме и вытащили на свет гипотезу об альтернативных компонентах – кремнии, например, которого на Римане было более чем достаточно. Его достаточно и на Земле, возражали скептики. Кремния, если на то пошло, гораздо больше, чем углерода, однако жизнь на нашей планете – углеродная.

Но все это были разговоры. Когда изучением Римана занялись вплотную, споры перешли в новую плоскость. На поверхности планеты не нашли ни малейших следов цивилизации, да что там цивилизации – хотя бы примитивной, неразумной, но жизни. Энтузиасты не сдавались. В тенях, которые отбрасывали горы, в изгибах Большого разлома Калуцы они видели заброшенные (или, наоборот, обитаемые) города. В любом порыве ветра, который достигал здесь неимоверной силы, видели осмысленные движения. Люди истосковались, им хотелось, в конце концов, обрести свою галактическую семью, и если отца мы благополучно придумали (как дети придумывают отца-летчика, который обязательно прилетит и решит все проблемы), то с братьями и сестрами дела обстояли куда

хуже. Их не было, и в каждой неровности рельефа, в каждом движении облаков мы видели жизнь, как суеверные люди видят Богородицу в пятнах на стене.

Мои родители были фанатами поисков внеземной жизни. С пеленок меня окружали разговоры о Роузвильской катастрофе, Тунгусской загадке, летательном аппарате из Петрозаводска – все в таком роде. У родителей вызывали энтузиазм любые сообщения о похищении инопланетянами, кругах на полях, о контактах с внеземным разумом – это при том, что они никогда не покидали Землю и по профессии были далеки от космоса: папа – историк, а мама – художница. Их друзья были такими же чокнутыми уфологами, и ни один из них не летал в космос, не работал в обсерватории, не изучал космобиологию. Я разочаровалась в существовании внеземной жизни, еще не пойдя в школу.

К тому времени, когда у меня появилась возможность поработать на Римане, жизнь обнаружили только на планете Каптейн b в системе Живописца – в виде бактерий.

МОИ РОДИТЕЛИ БЫЛИ ФАНАТАМИ ПОИСКОВ ВНЕЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Риман был одной из немногих планет, пригодных для терраформирования несмотря на тяжелые условия, и поверьте, в поисках жизни здесь обшарили каждый уголок. Допускаю, к этому отнеслись бы не так тщательно, но общественное мнение, взбудораженное открытиями на Каптейне b и постоянными дискуссиями о кремниевой или азотовой жизни, требовало самого скрупулезного исследования, чуть ли не обнюхивания каждого камешка в едкой, ядовитой пустыне Римана – но тщетно.

На Римане я занималась биохимическим балансом почв. Впрочем, к моему прибытию

большая часть работы была уже проделана, мне оставалось только следить за стабильностью состава, да были еще проблемные участки, на которых мало что менялось. С точки зрения терраформирования, разумеется.

Два таких участка на расстоянии примерно 100 километров друг от друга находились в сфере ответственности бригады № 17 – у Болот и у моря Лобачевского. У других бригад такие тоже были – обычно не больше трех – с высоким содержанием серной кислоты и кремния, и, что бы мы ни делали, уровень H_2SO_4 и Si оставался одним и тем же.

Сегодня я сидела в лабораторном модуле и просматривала последние данные контрольных станций. Два неровных квадрата. Два неровных квадрата, губительных для человека, для любого живого существа. Уровень кислоты... Уровень углерода... почвенный воздух, кремний, окислы... Все то же.

Нет, постойте-ка. Не все то же! Участки, вроде бы, увеличились и изменили форму? Я поспешно открыла более старые данные по этим станциям и сравнила их со свежими.

Да, безусловно, так и есть. Участки увеличились за последние полгода. А этот, у Болота, почти правильный квадрат, прирастил длинный хвостик, аккуратно огибающий небольшую лужицу воды, которую мы гордо именовали озером.

Это должно было что-то значить! Там что-то происходило! Немного подумав, я залезла в информаторий, где хранились данные, полученные еще первопроходцами, и даже съемки с орбиты, еще до высадки. Такие участки были разбросаны по всей планете; почвы богаты кремнеземом, одно время геологи надеялись найти здесь месторождения кварца и лютецита, но надеялись, как выяснилось, зря. Участки эти увеличивались год от года, и последние 20 лет – очень быстро.

– Любопытно, – пробормотала я себе под нос. – Но почему они начали расти? Практически с началом программы терраформирования.

– Вот именно, – раздался голос у меня за спиной.

От неожиданности я подскочила на стуле и обернулась. Передо мной стоял Джек Вудс,

биолог. Вот он как раз и был фанатом внеземной жизни, и на Римане он оказался только в надежде обнаружить здесь братьев по разуму. Ничто не могло охладить его веры, но пока Джеку приходилось возиться с хлореллой, бактериями и прочей биослякотью с Земли.

Джек подошел к моему рабочему столу и ткнул пальцем в фотографии.

– Эти участки были вполне стабильны до нашей высадки и более других богаты кислотой и кремнием. Они ограничены только особенностями рельефа, тут неглубокая ложбинка, а тут и тут – холмы. Как слоновье кладбище. Кстати, на днях я видел отчет Соломона Ванштейна 30-летней давности. На таких участках, под слоем римановой почвы, залегает кремниевая галька, на многие метры в глубину. И следы кислоты.

– И что, по-твоему, это значит? – спросила я сварливо.

**ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО ЧТО-ТО
ЗНАЧИТЬ! ТАМ ЧТО-ТО
ПРОИСХОДИЛО!**

У нас постоянно происходили стычки – фантазии о кремниевой жизни еще в детстве надоели мне.

– Оно живое, – ответил Джек с невероятным самодовольством.

– И разумное, – добавила я с сарказмом.

Вудс кивнул, не обращая внимания на мою злость, сел рядом, развернул свой ЭВ-лист и, подключив его к моей машине, принялся перелистывать колонки сообщений контрольных станций.

– В десятой бригаде то же самое. Я был у них на прошлой неделе – участки меняются, но они будто не замечают этого. – Он остановился и посмотрел на меня. – Твой предшественник, Дабуламанзи, кстати, тоже предпочитал ничего не замечать. Здесь, на Римане, много странного. Потому и разгорелись такие страсти на Земле.

– В стиле ток-шоу «Seti в поиске», – отозвалась я. – Такие страсти разгораются всякий раз, как только космопоиск натывается на биологически сопоставимую планету, или хотя бы легко терраформируемую.

– Тут иное. Помнишь огромное количество кремнезема, которое мы обнаружили после бомбардировки поверхности Римана? Будто все диатомовые разом лишились панцирей.

Я пожала плечами.

– Что тут особенного? Здесь полно диоксида кремния, больше даже, чем дома, на Земле. Ты сам говорил про кремниевую гальку...

– А сколько трудностей возникло при прокладке силового кабеля вдоль экватора? Подозревали даже теракты. И всегда рядом находили повышенное количество кремнезема. Вполне возможно, аборигены просто защищали свой дом!

Ага. Это в школах даже проходят: дело Сахих Кадура, Дрейфуса нашего времени. Его выслали с Римана, предали суду, но оправдали за отсутствием состава преступления. Правда, в Космопоиск Сахих так и не вернулся. Большинство исследователей считали разрывы F-кабеля следствием экстремального климата планеты и неопытности терраформеров.

– Я собираюсь туда съездить, Анна, – добавил он. – Ты ведь поедешь со мной?

– Почему я? Почему не кто-то из твоих биолухов?

– Мой старик, – так они называли доктора Каваяси, шефа ксенобиологов, – не хочет в этом участвовать. Ну, а ты химик, в кремнии и всяких диоксидах разбираешься. И кроме того, ты веришь во внеземную жизнь несмотря ни на что. Иначе бы ты на Римане не оказалась.

Я вздохнула. Я не верила, но все равно решила поехать с Джеком. Я не знаю, как в других бригадах, но меня беспокоили эти неуничтожимые, как телефон Nokia, участки серной кислоты.

– Ладно, – сказала я. – В конце концов, нужно выяснить, что там такое. Но сегодня вездеход нам не дадут.

– Я его зарезервировал еще с утра. – Джек с готовностью вскочил на ноги.

Я с удивлением воззрилась на него.

– Ну ты даешь! А жизнеобеспечение? Мы же едем в глубокую пустыню!

– Уже готово. Заодно оставим запасы в точке на Венериной сопке.

«Точка» – это небольшой жилой модуль, в котором всегда можно найти исправный защитный костюм, запасы воды, кислорода, питание. С тех пор как буквально в десяти шагах от шестой бригады, попав в бурю и заблудившись, погиб французский исследователь, мы установили такие модули по всей планете и неукоснительно пополняли в них запасы.

Отступать мне было некуда, и я покачала головой.

– Ладно. Действительно, что тянуть? Я скажу Петровичу, а заодно захвачу комплект для проб.

Я сунулась в соседний бокс, где работал мой шеф. Он разложил на столе свежие картограммы и во все горло распевал песенки Вацлава Ятинена.

– Эй, – повысила я голос, – Наль Петрович!

Он подскочил так же, как и я десять минут назад.

– Чего тебе, Ань? – спросил он.

Петровичу было под 60 – самый старый член нашей смены. Лысина, седая бородка клинышком – типичный университетский профессор, однако его опыт внеземных экспедиций превосходил опыт всех нас вместе взятых. Ветеран Космопоиска, антрополог, химик и, как следствие, НЛО-атеист, в отличие от Джека и моих родителей.

– Наль Петрович, я еду к Болотам. Хочу выяснить, что там, в конце концов.

– Ты получила последние сводки контрольных станций? – спросил Петрович.

– Да. Все то же, но участок увеличился на несколько квадратов.

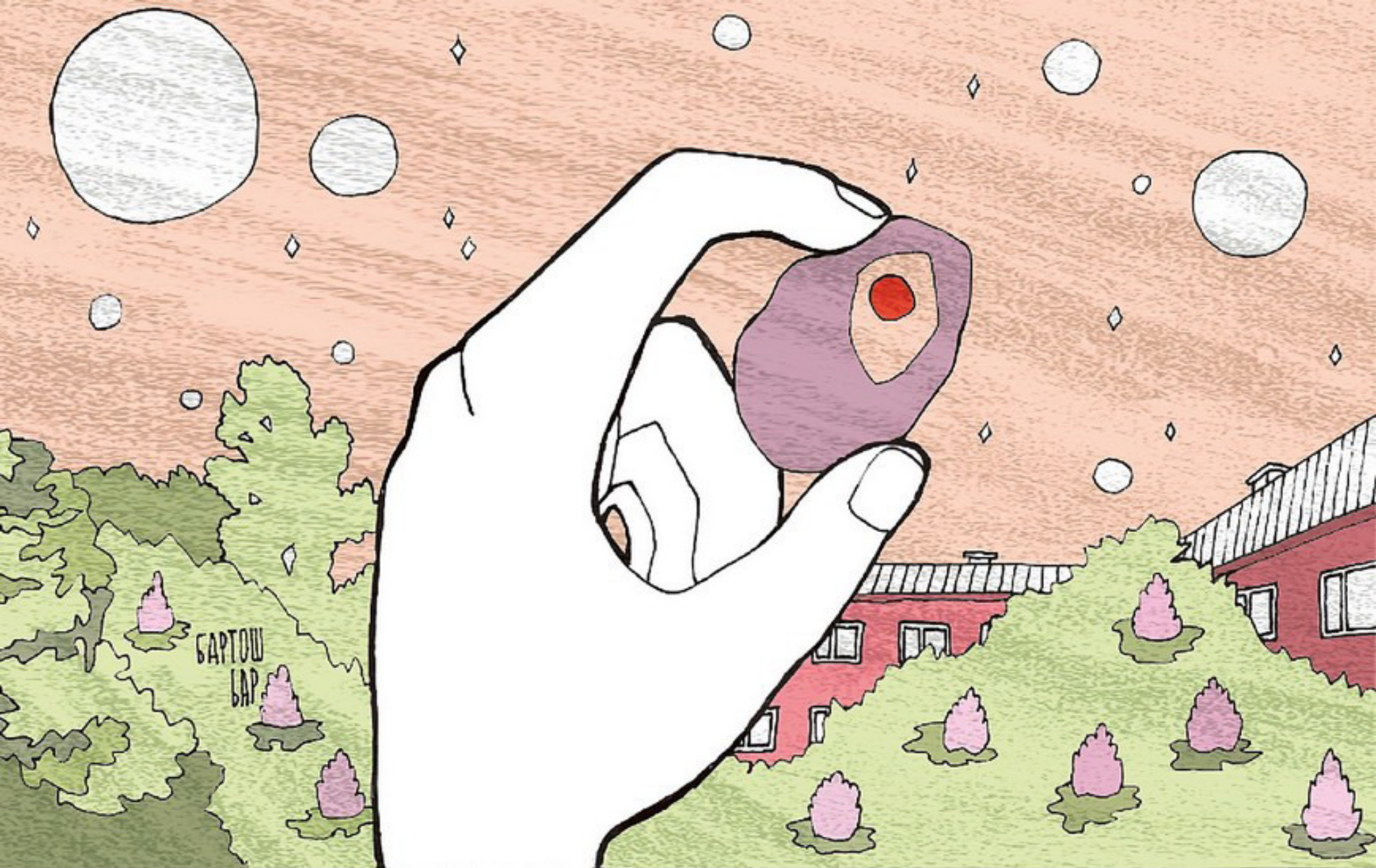
– Ты думаешь, этих данных недостаточно?

– Живьем мы там были полтора месяца назад. И, Наль Петрович, я же не отпрашиваться пришла, просто предупредить. Со мной Джек Вудс, он уже все приготовил.

Петрович расхохотался.

– Извини, Аня. Ладно, я принял это к сведению. Не забудь отметить, оставайся на связи и, будь добра, сделай новую вытяжку почв.

Он снова повернулся к своим картограммам и песенкам Ятинена.

Я вернулась к Джеку, который терпеливо ждал в моей комнате.

– Идем, – кивнула я ему.

Мы вышли наружу и пошли в сторону ангаров, где нас уже поджидал полностью экипированный вездеход.

По правилам личные защитные костюмы для выхода в глубокую пустыню мы должны проверять ежедневно, даже если никуда не ехали, и дополнительно – перед каждой командировкой, так что мы внимательно осмотрели все клапаны, крепления, целостность покровов – все эти скучные штуки, от которых зависели наши жизни на этой негостеприимной планете. Мы никогда не пренебрегали этим правилом, каким бы ни было оно утомительным.

Когда вы на Римане едете в машине, вам незачем смотреть в окно. Унылый пейзаж, камни, скалы, кое-где маленькие лужицы

воды – наша гордость. Собственно говоря, нам гордиться можно только тем, что мы смогли их увеличить; на севере эти лужицы постепенно сливались в неглубокие, по колено, озера. Вскоре нам перестали попадаться и редкие бассейны с хлореллой или сине-зелеными водорослями; мы углубились в Риманову пустыню.

Сначала слева и справа тянулись плоские, как стол, сопки, потом их сменила безрадостная коричнево-красная равнина с видневшимися на горизонте скалами. Постепенно местность снижалась еще больше, и через три часа мы прибыли к контроль-станции.

У Болот пейзаж был еще более унылым; здесь царил практически первозданный Риман. Вернее, не совсем первозданный: не было высокой концентрации сернистых паров, но наверняка воняло горелыми спичками, тухлыми яйцами и прочими сероводородными прелестями. Ярко-пурпурная почва,

с оранжевыми пятнами, из трещин вырываются клубы пара – должно быть, так выглядит ад.

Я вынесла из вездехода комплект для анализов и спросила Джека:

– Я займусь почвенной вытяжкой. А ты? Что ты будешь делать?

– Очередной микробиологический анализ, – отозвался он, – по новой методе. Я сам ее разработал! – не удержался он от хвастливого замечания.

Он приложил руку к шлему и, подхватив инструменты, пошел по полю, а я занялась своими делами.

Я закончила раньше. Джек еще возился с анализатором, и я, забросив пробы в вездеход, не спеша направилась к нему. Мы все очень редко выбирались сюда – ведь тут располагались контроль-станции, и людям здесь делать было нечего. А когда смотришь собственными глазами, не через объективы фото- и видеокамер, все выглядит иначе. Камеры нелюбопытны и не выделяют красоту.

В детстве мы охотились за камешками с дырками – они назывались куриными богами и считались сильными талисманами. Здесь, на Римане, было великое множество камней подходящей формы и размеров, но ни одного с дыркой, а я все равно, как в детстве, шла медленно, внимательно глядя по сторонам, разбрасывая ногами гальку. Вдруг мне повезет?

Мне повезло. Мое внимание привлек бледно-желтый продолговатый камешек; сначала мне показалось, что он завивается, как ракушка. Я наклонилась и подобрала его. Разумеется, это не был куриный бог: непрозрачный кристалл размером с мой мизинец, заостряющийся к концам. Как только я зажала его между неуклюжих пальцев контакт-перчатки, я почувствовала, как он дрожит и как будто меняет форму.

Это было невозможно, и у меня побежали мурашки по спине. Я накрыла камешек ладонью, а когда отвела ее, то увидела, как из камня высунулись малюсенькие усики-щетинки. Они шевелились, как жгутики бактерий под микроскопом, но так медленно, – я поначалу подумала, что мне показалось.

Меня будто током ударило; кровь застучала в висках, я была так взбудоражена, испугана, потрясена, что едва не выронила кристалл. А может, мне все-таки показалось? Я огляделась и подобрала еще пару таких же. Один тут же слегка изогнулся, словно в замедленной съемке; второй пульсировал медленнее, чем сердце человека в коме, – удара два в минуту.

– Эй! – завопила я в коммуникатор. – Джек! Я кое-что нашла!

Джек поднял голову и недоуменно посмотрел на меня.

– Ну, что там у тебя? – Он нехотя поднялся на ноги и подошел ко мне.

УНЫЛЫЙ ПЕЙЗАЖ. КАМНИ, СКАЛЫ. КОЕ-ГДЕ МАЛЕНЬКИЕ ЛУЖИЦЫ ВОДЫ – НАША ГОРДОСТЬ

Меня трясло, и я сжала пальцы, чтобы не выронить находку. С трудом справившись с волнением, я показала кристалл Вудсу. Самый обыкновенный камень в форме веретена.

– Ну и что это?

– Он шевелился. Выпустил жгутики. Он живой... По крайней мере, был им. – Я нервно хихикнула. – Не могу сказать, что он выглядит больным.

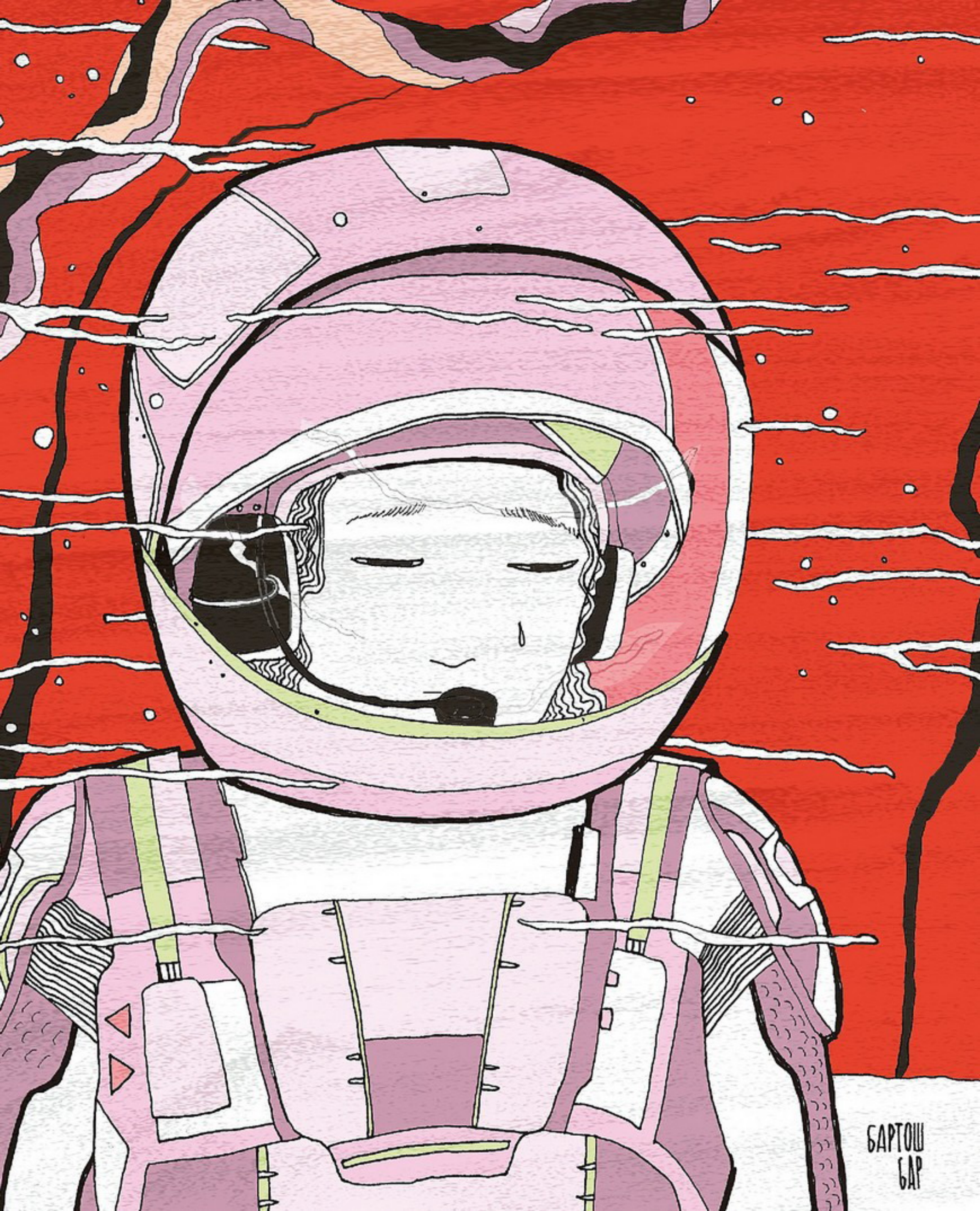
Джек молчал.

– Он живой! – крикнула я и протянула ему еще два веретена. Вокруг все было усеяно подобными камешками; они шуршали под ногами, как пустые панцири мертвых крабиков.

Как только Джек взял один из них в руки, тот снова дрогнул и выпустил свои щетинки – нехотя, словно у него не было сил даже на такое простое действие.

Впрочем, разве я знаю, что для камней просто, а что нет? Я успела включить камеру и заснять их движения, но Джек по-прежнему молчал. Следуя моему примеру, он тоже подобрал несколько

БАРТОВ
БАР

веретен, и я снова сделала запись с фиксацией времени и места.

– Тут их много, – произнес он немного дрожащим голосом. – Кладбище. Надо взять несколько в лабораторию. Ты понимаешь, что это значит?

Я опустила голову.

– Может, это какое-то химико-геологическое явление? – спросила я. – Ну, как Пряжа Норн на Глизе.

Джек выглядел уничтоженным. Наверное, он думал о том, что, если бы существовал Межгалактический совет по правам живых существ, землян бы осудили за жесточайший геноцид.

– Я надеялся найти жизнь на Римане, – сигло произнес Вудс наконец. – Но... не хотел. И боялся... И правильно боялся... Почему раньше никто их не замечал?

– Потому что небелковая жизнь невозможна, – отозвалась я. – И, кроме того, разве они похожи на живых? – Я умоляюще смотрела на Джека, как будто он мог снять с меня вину за убийство этих маленьких ракушек-веретенец.

Я разжала ладонь и снова посмотрела на веретено. Оно определенно было мертво; но мертво не так, как камни или песок, или наш вездеход. В тех никогда и не было жизни, а в веретене была. Веретено было похоже на мертвую птицу. Разница между бывшим живым и всегда мертвым ощущается всегда, и очень остро. Я чувствовала себя ужасно. Хотелось плакать, хотелось сбежать отсюда как можно дальше и никогда не вспоминать о веретенах.

– Мы должны все выяснить как можно точнее, – Джек криво улыбнулся мне. – Прежде чем составить отчет для Земли.

– Нужно сообщить в бригаду. – Я с трудом заставила себя говорить. Я пока еще не осознавала последствий нашего открытия, а Вудс, похоже, и раньше думал о таком повороте событий. – Терраформирование не очень успешно продвигается, Риман еще может восстановиться.

Я убеждала себя в этом, словно от этого зависела моя жизнь. Я представила, как

ОБ ЭТОМ ДАЖЕ ГОВОРИТЬ НЕ БУДУТ: КОМУ ХОЧЕТСЯ ОКАЗАТЬСЯ УБИЙЦЕЙ...

на моей родной планете стремительно понижается температура, исчезает вода, уступая место серной кислоте, пища теряет свою питательность... Я тряхнула головой, отгоняя видение. Это очень страшно.

Джек покачал головой.

– Никто не прекратит программу. Сюда вложены слишком большие средства. Никто не откажется от Римана, – тихо произнес он. – Об этом даже говорить не будут: кому хочется оказаться убийцей...

«Если быть точным, веретена размножаются, испытывают боль, имеют определенную каталитическую активность, и мы должны признать их жизнью, пусть небелковой, странной формы, но жизнью».
(Из интервью доктора Чандры Аривани, Индийский совет космических исследований)

«Обнаруженные на Римане организмы, по сути, сложно назвать организмами. Они не отвечают главным критериям жизни. Да, эти веретена содержат сложные химические соединения, но не являются белковыми».
(Из интервью профессора Арона Гординга, Комитет по терраформированию экзопланет при NASA)

«Хотя некоторые правительства пожелали выйти из проекта, такие компании, как "Сунг Хун Каи" и "Юнайтед Спейс Девелопмент", не намерены разрывать контракты и тем самым подводить своих акционеров. Освоение планет в дальнем космосе будет продолжаться».
(Из коммюнике Международного валютного фонда) ■